

ВЫСШАЯ ШКОЛА МАТЕРИНСТВА

Елена Трелелкова

Елена Трепелкова

Высшая школа материнства

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339471

Высшая школа материнства: ИД Городец; М.; 2020

ISBN 978-5-907085-24-4

Аннотация

Книга нашей соотечественницы Елены Трепелковой отнюдь не очередной сборник советов по воспитанию детей. Это книга о выборе – в первую очередь о выборе, который делает женщина, принявшая решение, что главная цель ее жизни – вырастить детей свободными, счастливыми и успешными. И о выборе методов достижения этой цели – о ежедневном кропотливом труде и верном расставлении приоритетов.

Сделать такой выбор автору было непросто: 23-летняя выпускница МГИМО, приехавшая в Америку с мужем, посланным в служебную командировку в Нью-Йорк, готовила себя к научной работе, а родственники были далеко. Ей помог именно научный склад мышления – умение вычленять главное и независимо мыслить. А еще то, что сама она росла в большой, любящей, дружной и очень трудолюбивой семье, с детства привившей ей твердые нравственные ориентиры.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Вступление	5
Глава первая	10
Глава вторая	16
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Трепелкова

Высшая школа

материнства

Моим родителям с любовью и благодарностью

Получая, мы зарабатываем на жизнь.

Отдавая – мы ее создаем.

Уинстон Черчилль

© Copyright by Helen Trepelkov

© А. Логинова, 2020

© ИД «Городец», 2020

Вступление

Я люблю жизнь и стараюсь не упустить ничего из того, что она предлагает. А еще я очень любопытна, люблю быть в гуще событий. Оттого и выписываю больше журналов, чем могу прочесть, и категорически отказываюсь выбрасывать их, прежде чем хотя бы просмотрю. Если нет времени читать какую-нибудь статью, я просто вырываю листки с ней и складываю в стопку «Читать». Стоит ли говорить, что стопка эта огромная и мозолит глаза, отчего мы вечно спорим с мужем, который просит убрать неприглядные бумажки.

Так что неслучайно статья «Почему китайские матери – лучшие» в «The Wall Street Journal» от 8 января 2011 года, посвященная книге Эми Чуа «Боевой клич матери-тигрицы», попала мне на глаза чуть ли не через год после публикации.

Момент оказался как нельзя подходящим. Был ноябрьский вечер, как и положено, промозглый и ненастный, и настроение мое было созвучно погоде. Я слишком уютно устроилась и слишком закопалась в повседневной рутине. И начинала испытывать беспокойство – того рода беспокойство, что не излечивается хорошей книгой или походом на прекрасный концерт. Мне отчаянно не хватало вызова, встряски – я успела по ним соскучиться. Мне недоставало чего-то мощного, такого, чтобы утром хотелось скорее вско-

читать с постели. Тем из вас, кто читал «Золотой берег» Нельсона Демилля и думает, что я рассуждаю в духе Джона Саттера, не стоит тревожиться. Сходство лишь поверхностное. Я точно знаю, что до меня нет никакого дела мафии, и, кроме того, мои стремления несколько иного характера. Их, пожалуй, лучше всего можно выразить словами великого русского поэта Анны Ахматовой: «...невозможно жить без солнца телу и душе без песни».

Статья пробудила во мне любопытство и бойцовский дух. С некоторыми идеями я согласилась, другие же вызвали отторжение. И мне очень захотелось поделиться собственными соображениями о воспитании и образовании детей в Соединенных Штатах Америки, соображениями человека, выросшего в другой культуре.

Через пару дней я уже распечатывала посылку из «Амазона» с экземпляром «Боевого клича...». Мне не терпелось сравнить наши наблюдения, так что я немедленно приступила к чтению.

Эми Чуа поднимает вопросы, которые волнуют и меня. У меня две дочери, которые родились и выросли в США. Я же иностранного происхождения. Мой муж Александр, загруженный работой, дал мне карт-бланш на все, что касается воспитания и образования наших дочерей. Этим, пожалуй, наше сходство с автором исчерпывается. Мы с Александром – русские. Когда родились наши девочки, Америка была для меня незнакомой страной. Воспитали меня иначе, чем мис-

сис Чуа, и – к сожалению или к счастью – в моем распоряжении не было проверенных многими поколениями методов воспитания. Если и есть такое понятие, как «русское воспитание», я с ним не знакома. Также с рождения старшей дочери и до того дня, когда младшая подала последнюю заявку в колледж, я сидела дома и занималась детьми.

Чего я определенно не планировала.

Окончив с золотой медалью школу и с красным дипломом, возможно, самый престижный вуз в стране – Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), я, помимо родного русского, хорошо владела английским и французским. После этого я поступила в аспирантуру не менее престижного Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) при Академии наук СССР. Когда в 23 года я приехала в США с мужем, отправленным туда в зарубежную командировку, я получила предложение поработать в ООН. Хотя должность была технической, на лучшее я, гражданка СССР и жена нашего сотрудника, вряд ли могла рассчитывать. Однако я предпочла остаться дома и воспитывать дочерей.

Я понимала, что путь, выбранный мной, может быть одиноким и трудным. Многие мои друзья, узнав об этом, были шокированы, хотя (из вежливости) ничего не сказали. Александр поддержал меня, однако моего решения не понял. Я чувствовала, что и отец, слишком тактичный, чтобы что-то высказать вслух, тоже не в восторге от моего выбора. Мама

предупредила: не стоит ждать, что к этому отнесутся как к подвигу, и считать себя героиней, поступать так можно только лишь по велению сердца. Так и было – и я к нему прислушалась. Наши дочери уже выросли. Стали самостоятельными молодыми женщинами, живут и работают на Манхэттене. Читая книгу миссис Чуа, я заново взглянула на свою жизнь и свой опыт воспитания детей с точки зрения, надеюсь, умудренной опытом женщины средних лет. Весьма занимательно и временами очень поучительно. На много часов я вернулась к домашним заданиям по математике, урокам музыки, школьным олимпиадам, костюмам на Хэллоуин и волейбольным матчам. Я люблю своих дочерей, и мне очень нравилось их растить. Огромное спасибо миссис Чуа за то, что она заставила меня заново прожить эти годы.

Мне не терпелось начать, согласно бессмертному совету Белой Королевы, с начала, и я принялась вспоминать прошлое. Погружаясь все глубже и глубже в воспоминания прожитых лет, я искала одно изначальное событие, первопричину того, что моя жизнь пошла по выбранному курсу. Казалось, я освещаю прошлое огромным прожектором, выхватывая его лучом лишь самые значимые моменты, те, которые повлияли на мою последующую жизнь, оставляя в тени все остальное.

Когда росли наши дети, я всегда пыталась понять, чего хочу достичь, и выработать стратегию. Тактика, однако, – совсем другое дело. Я не всегда подвергала анализу собствен-

ные методы, полагаясь на внутреннее чутье. Часто я лишь чувствовала, что так надо, но не знала, почему. И поступала так, как решила, попутно отыскивая рациональное обоснование.

Я неслась по жизни сломя голову, вечно ничего не успевая и вечно планируя на день куда больше дел, чем могла осилить. Теперь же с изумлением понимаю: то, что на первый взгляд казалось чередой необдуманных импульсивных решений, выстроилось в необыкновенно логичную картину, в которой почти не осталось места случайности.

Вот моя история.

Глава первая

Я вышла замуж в 22 года, вскоре после защиты диплома, что, кстати, считалось довольно поздно. К этому времени многие мои однокурсницы успели обзавестись детьми. У моей школьной подружки был пятилетний сын, правда, она была скорее исключением. Неудивительно, что мой муж Александр закончил тот же факультет и получил такой же диплом специалиста по международной экономике, как и я. Несколько месяцев спустя, прямо в мой 23-й день рождения, отметив его с семьей и друзьями в аэропорту Шереметьево бутылкой шампанского, мы с Сашей поднялись на борт самолета, летевшего в Нью-Йорк. С тех пор он вполне удачно женат на Организации Объединенных Наций, а я вполне удачно замужем за ним. Правда, иногда мне кажется, что последнее он не совсем осознает.

Александр Трепелков, мой муж, – отличный парень, но, чтобы в полной мере оценить его достоинства, приходится быть немного скептической. Этот человек в полном смысле слова женат на работе. До такой степени, что еще немного – и его будет впору обвинить в двоеженстве. Когда мне было лет 6 или 7, мой отец любил при гостях рассказывать анекдот, который мне очень нравился и неизменно вызывал смех: «Счастливая пара отмечает пятидесятилетие совместной жизни. Гости, впечатленные прочностью брака, спроси-

ли жену, как им удалось прожить вместе столько лет. “Все просто, – ответила жена. – Муж решал важные вопросы, например, есть ли жизнь на Марсе, а я занималась второстепенными: домом, детьми”».

Если бы я тогда знала, что смеюсь над своим будущим!

Лететь было весело. И очень долго: в воздухе мы пробыли 10 часов. Однако мы не устали и нам не было скучно. Мы были молоды, счастливы и беззаботны. Быстро подружившись с некоторыми пассажирами, мы продолжали весело отмечать день рождения, выпили еще шампанского, курили. В начале 1980-х в самолетах еще разрешали курить. Поскольку разница во времени между Нью-Йорком и Москвой составляет 8 часов, на столько же продлился и мой судьбоносный день рождения, точно в ознаменование того, что беспечному существованию приходит конец.

Когда пилот объявил, что мы заходим на посадку в аэропорту Кеннеди, я выглянула в иллюминатор. Внизу расстилась Америка. Что-то во мне шевельнулось. Сама того не сознавая, я ощутила что-то вроде иерусалимского синдрома. В глубине души я, вероятно, чувствовала, что эта земля на много лет станет моим домом. Должно быть, мои переживания отразились на лице, как это обыкновенно со мной бывает, потому что Саша спросил, что случилось. Игрока в покер из меня бы не вышло.

Вскоре после прибытия мне предложили работу в библиотеке ООН. Жены советских сотрудников не могли рассчи-

тывать на официальное трудоустройство, так что эта работа была одной из лучших, на что можно было рассчитывать. Я знала, что с нашими разъездами по миру мне будет трудно, если вообще возможно, делать карьеру, но работа казалась интересной и хорошо оплачивалась. Мне оказали большую честь, и я это понимала. И приняла предложение.

Мы только начинали совместную жизнь и, по сути, впервые столкнулись с необходимостью планировать бюджет. Мы вообще впервые жили на собственные деньги, поскольку до брака и даже какое-то время после него мы жили с родителями, как было заведено в Советском Союзе в те годы. И мне хотелось освоить планирование семейного бюджета. Я чувствовала потребность поставить для нас цели на целую жизнь вперед. Стремление построить наш общий дом волновало и манило меня своей новизной.

Передо мной лежало наше будущее: радостное, но такое неясное, точно подернутое утренней дымкой. Мир так коварен и жесток в своей беспристрастности. Каждый сам строит свою жизнь. Я наблюдала, прислушивалась, ловила все, что говорилось вокруг: нетерпеливые предвкушения вновь прибывших и довольное превосходство с примесью легкой зависти у уезжавших...

В Советском Союзе царил печально известный дефицит. Одеждой, электроникой, кухонной техникой люди за границей старались запастись впрок. Мои собственные взгляды все еще оставались неясными, хотя уже начинали формиро-

ваться. Свой внутренний прибор самонаведения я твердо настроила на счастье. Нужно было найти механизм его обеспечить. Я поняла, что хотеть что-то приобрести можно бесконечно, что нельзя собрать у себя все богатства мира, а значит, деньги не могут дать счастья, ведь их никогда не бывает достаточно. «Жить не хуже других» представлялось мне делом пустым и хлопотным. Не хотелось впадать в потребительский раж и гнаться за миражами материального рая, до конца жизни превращаясь в добровольного раба собственной жадности. Я предпочитала цели, которые имеют предел.

Тогда-то мне и пришло мимолетное откровение, еще не до конца оформившаяся мысль: лишь любовь обладает завершенностью. Любовь вообще и семейная жизнь в частности предстали передо мной в новом свете. Материальные блага означают бесконечный поиск, который возобновляется всякий раз, когда мы утоляем очередное желание. Любовь же бездонна, бесконечна и неистощима. Завершенность любви и заключается в бесконечности этого чувства. Истинная любовь дает абсолютное удовлетворение, блаженный покой. Тебе больше ничего не нужно: у тебя все есть.

Поймите меня правильно. Я люблю хорошо жить и люблю роскошь и не упускаю случая насладиться ею. Попадая в пятизвездочный отель, я нарочно медлю и с неохотой покидаю его. Для меня это много значит, ведь я встаю с рассветом и могу часами смотреть достопримечательности и исследовать новые места. Перед тем как куда-то ехать, я первым де-

лом выясняю, во сколько всходит и заходит солнце, чтобы знать, сколько у меня будет времени на прогулки. Но и более скромный приют меня вполне устроит, если того требуют обстоятельства. Я никогда не была особенно жадной до денег; они не играли большой роли в моей жизни, точнее, не становились ее движущей силой. Иными словами, я никогда по-настоящему не любила деньги и не хотела ограничиться компромиссным решением сделать главной целью своей жизни материальное обогащение.

Мне кажется, что взросление можно сравнить со шведским столом. Это лакмусовая бумажка нашего воспитания, предыдущего опыта и восприятия жизни. Тот, кто слишком голоден, набрасывается на все без разбора, ест слишком много и чересчур быстро. Тот, кто невежествен, упускает возможность попробовать новые экзотические блюда, а другого случая может и не представиться. В то же время чрезмерно жадный рискует набить рот, не разбирая вкуса и толком ничего не распробовав. Утверждают, что Джонатан Свифт сказал: «Смел был тот человек, который впервые отведал устриц». Я убеждена: шведский стол придает многим смелости до тошноты наесться экзотическими деликатесами, к которым у них нет ни склонности, ни привычки. Последствия могут быть разными: от легкой тяжести в желудке до серьезного несварения. Однако не стоит судить таких людей строго. Поскольку все мы, смертные, как правило, ограничены в средствах, есть смысл в том, чтобы воспользоваться возможно-

стью попробовать все то, что попробовать позже возможности уже не будет. Но я считаю, что это опасный путь. Шаг за шагом мы теряем свою свободу и, забывая, что нам нравится на самом деле, хватаем самое дорогое в угоду собственной жадности. Не те ли же самые соображения ложатся порой в основу выбора карьеры?

К шведскому столу своей взрослой жизни я подошла довольно бесцеремонно. Нет, то была не жадность, но жадное любопытство и нетерпение. Меня будоражили зрелища, звуки и запахи того великолепного действия, которое мы именуем жизнью. Мне хотелось чего-то исключительного, неуловимого, неземной красоты.

Нью-Йорк был лучшей зарубежной точкой. О лучшем распределении трудно было мечтать. Я была счастлива, но не до исступления. Я не рассматривала это как исключительное благо, скорее воспринимала как нечто совершенно естественное, ведь другой жизни я не знала. Иными словами, я восприняла это как должное.

Глава вторая

Я родилась в семье советского дипломата. Мои воспоминания о детстве – лоскутное одеяло: длительные зарубежные командировки отца, в которых мы его сопровождали, и – гораздо чаще – краткосрочные, когда я, мама и брат оставались в Москве и ждали его возвращения. До сих пор помню, как года в 3–4 тосковала, услышав гул пролетающего над головой самолета.

В июне 1968 года отца командировали в европейскую штаб-квартиру ООН в Женеве, Швейцария, точнее, в Международную организацию труда (МОТ), одно из ее специализированных учреждений. Мне исполнилось 10 лет, я только что закончила третий класс. Собирались быстро, вещей было мало, и вскоре ночной поезд уносил нас на Запад, в другую страну, иную жизнь. Я ехала в обнимку со своей самой большой куклой по имени Оля – в честь бабушки по матери. В куклы я играла мало, но родители предложили взять с собой эту, понимая, как мне тяжело расставаться с бабушкой. Я всегда ее очень любила.

На следующий день, в Вене, мы пересаживались на другой поезд. Вечером перед отъездом мы зашли в ресторан поужинать. В конце 1960-х в Западной Европе нечасто слышалась русская речь. На нас оглядывались. Я старалась вести себя безупречно: сидела с прямой спиной, отрезала небольшие

кусочки стейка (стейк станет любимым блюдом моего детства) и правильно пользовалась ножом и вилкой. Эти усилия не пропали даром: пожилая и довольно недоброжелательного вида официантка отметила мои хорошие манеры, как я поняла из разговора родителей в тот вечер. Это вознаградило меня сполна. Помогать отцу в его работе казалось мне моим долгом. Я ощущала собственную значимость. Казалось, все смотрят на меня, оценивают и делают выводы. И надо быть на высоте. Я надолго сохранила это чувство.

Мы нечасто ели вне дома. Атмосфера московских ресторанов была весьма официальной, и родители редко брали с собой детей. Обычно туда ходили большими компаниями, чтобы отметить какое-то важное событие: юбилей или получение новой должности. Единственный раз, когда мы в Москве пошли в ресторан всей семьей, было по случаю присвоения отцу кандидатской степени. Он писал диссертацию по ночам, о чем свидетельствовали горки скорлупы кедровых орешков, которые по утрам высились на его письменном столе. Кедровые орехи, часто в шишках, в Советском Союзе продавались повсюду. Он грыз их в огромных количествах, чтобы не уснуть и поддержать силы.

Я хорошо помню тот день. Перед тем как пойти в ресторан, отец постригся и побрился в парикмахерской. Меня он взял с собой. Он и сейчас стоит у меня перед глазами: молодой, счастливый и торжественный, пахнущий незнакомым одеколоном. Потом мы зашли за мамой и братом и отправи-

лись в один из ресторанов неподалеку от дома.

Второй случай попробовать еду, приготовленную профессиональными поварами, представился лишь летом накануне нашего отъезда в Женеву. Отец был в отпуске, и целый месяц мы провели в Литве. Мы добирались туда на машине, и на то, чтобы преодолеть примерно 1100 км, нам потребовалось три дня. Удивляться тут нечему. Конечно, мы часто останавливались, но я помню и двухполосную дорогу, и отца, гордо объявлявшего: мы едем со скоростью 60 км в час! Магнитофона или чего-то подобного, чтобы скрасить долгий путь, в машине не имелось, но этого и не требовалось. Мой брат, тогда четырехлетний, наизусть рассказывал содержание всех книжек, которые ему читали и перечитывали, с таким удовольствием и чувством, что мы веселились всю дорогу.

Обедали мы в придорожных кафе и каждый день на отдыхе куда-нибудь выбирались. Обычно, поскольку брат был еще маленький, это был, скорее, поздний завтрак. Я очень любила такие вылазки. Не столько из-за еды, сколько из-за того, что на обратном пути мы задерживались в лесу. Брат засыпал, а мама собирала лесную землянику, а потом и чернику. Когда он просыпался, мы ели ягоды со сгущенным молоком на десерт.

Рано утром мы прибывали в Женеву. Отцу, который уже побывал там, когда ездил на собеседование, не терпелось показать нам прекрасный город. «Сейчас, – говорил он, – еще поворот, и мы увидим знаменитый женевский фонтан». Его

радостное волнение передалось и мне: не терпелось увидеть эту красоту. Отец оказался прав – фонтан поразил своим великолепием.

Советские дети за границей должны были ходить в советскую школу, которая в те годы была шестилеткой. Ученикам младших классов, в том числе моему младшему брату, позволялось посещать местные школы при условии, что в выходные и по четвергам, когда в швейцарских школах не было занятий, для них организовывали уроки по русской программе. Я была уже слишком взрослой для такой системы.

Первого сентября, когда в СССР начинались школьные занятия, я с новеньким ранцем, набитым тетрадями в ярких блестящих обложках и ручками и карандашами всех возможных цветов, в самом прекрасном настроении отправилась в школу.

Все предметы, кроме французского, давались мне легко, и я достаточно быстро влилась в новый класс. С языком, однако, дело обстояло совсем иначе. Это было сущим кошмаром! Мои одноклассники учили язык уже два года, вдобавок жизнь во франкоговорящей стране ускоряла процесс обучения. Я на всю жизнь запомнила, каких трудов мне стоило выучить стихотворение к Рождеству. К тому времени я учила язык уже почти 4 месяца, но этот короткий стих по-прежнему казался мне не то шестью, не то восемью строчками почти бессмысленных слогов. Должно быть, тогда я с большей легкостью запомнила бы участок цепочки ДНК. Но у меня

получилось – в первый раз. Помню, как учительница одобрительно кивала головой. В тот день я впервые получила по французскому «отлично». Я до сих пор помню строчки: «Le vent d'automne passe, / emportant á la fois, / les oiseaux l'oiseaux dans l'espace, / les feuilles dans les bois»¹.

Понадобилось полгода, чтобы нагнать остальных, а если бы не мама, то могло быть и еще дольше. Она не говорила по-французски, и сама брала уроки. Она заранее переводила каждое слово каждого текста и каждого задания, пока я была в школе, чтобы облегчить мне труд. Каждый день она тратила несколько часов на это занятие. А потом мы вместе несколько часов готовили мое домашнее задание.

Один из переломных моментов в моей жизни наступил, когда я закончила шестой класс и должна была вернуться на родину, чтобы учиться дальше. Родителям не хотелось, чтобы я жила вдали от них. Они решили, что я останусь с ними в Женеве и пойду в местную швейцарскую школу, а программу русской школы пройду самостоятельно, иногда прибегая к помощи советских учителей. Все лето я протестовала против их решения, но безрезультатно. Я хотела в Москву, учиться со сверстниками. Но осталась в Женеве вместе с некоторыми моими одноклассниками. Мне было тогда 13 лет.

В начальной школе в Швейцарии учились тогда 6 лет. После следовали три класса средней, так называемый *cycle*

¹ Ветер осени улетает, разом унося (с собой) и птиц в воздухе, и листья в лесу.

d'orientation, или ориентационный курс, который и завершал обязательное образование.

В 1971 году, когда я поступила в среднюю школу Бюде, там было четыре направления по результатам экзаменов после начальной школы: латинское, научное, общее, и pratique (профессиональное); самые высокие баллы на выпускных экзаменах после начальной школы требовались для латинского.

Родители хотели, чтобы я пошла в 8-й класс, соответственно возрасту, на общее направление, чтобы не перегружать меня предметами, не входящими в русскую школьную программу. Главное – чтобы я выучила французский методом погружения. Упор же будет делаться на русскую школьную программу. Изучение латыни казалось им пустой тратой времени. Немецкий был обязательным предметом, но советские ученики обычно освобождались от него по просьбе родителей.

Я сдала вступительные экзамены. Математика показалась легкой – русская программа опережала местную. С французским же дело обстояло иначе. Я плохо помню, но, кажется, требовалось найти систему в цепочках тех или иных французских слов, а также найти синонимы и антонимы. Незнакомые слова я должна была подчеркивать. Подчеркивать пришлось много.

Вскоре после экзаменов отцу позвонили из администрации школы. Кажется, звонил сам директор. Он сказал, что

мне определенно нужно идти на латинское направление, но также предложил подумать над тем, чтобы я пошла в 7-й класс, потому что это последний год, когда французская грамматика, орфография, глаголы и лексика преподаются отдельными предметами. То, что мне придется учиться с детьми на год младше, отцу не слишком понравилось, да и латынь казалась ему совершенно бесполезным предметом, но я слышала их разговор, и предложенный план пришелся мне по вкусу. Мне захотелось углубленно изучать французский, как учат его франкоговорящие дети. После экзамена я поняла, как плохо я его еще знаю.

Идея пойти на самое сложное отделение и учить латынь меня тоже привлекала, и я не хотела лишаться уроков немецкого. В результате в сентябре 1971 года я учила три иностранных языка: французский, немецкий и латынь. Тогда-то у меня и возник сам собой несложный, но весьма действенный способ изучения иностранных языков, которым я с тех пор пользуюсь. Я читала на языке столько, сколько могла, и каждый день заучивала по 10 новых слов. Вскоре у меня уже не набиралось 10 новых слов, и я снизила норму до пяти. Еще через какое-то время я ограничивалась двумя.

Однажды в наш класс пришел директор. После недолгого разговора о текущих школьных делах он вдруг спросил, почему мы решили учить латынь. Затем показал на меня и повторил вопрос. «Мне просто она нравится», – ответила я. Он сказал, что такой ответ – лучший из возможных. Я делала то,

что мне нравилось. Но уже на том этапе этого было недостаточно. Мне хотелось добиваться при этом отличных результатов. Я убеждена: если действительно любишь то, что делаешь, ты обречен на успех. Я не верю в несчастную любовь. Настоящая любовь всегда взаимна. Секрет, по-моему, в том, чтобы не путать ее с честолюбием или слепым увлечением.

7-й класс я закончила первой в классе, и в середине 8-го мне предложили перейти на класс выше. Я согласилась. Мне пришлось отказаться от латыни, но на зимних каникулах я нагнала сверстников в немецком. Можете считать меня тщеславной, но я с большим удовольствием отметила изумление на лице преподавателя немецкого, когда он отдавал мне работу с «шестеркой» (высшая оценка в швейцарской школе) на первой же неделе обучения в 9-м классе. В то время я также начала учить английский. И 9-й я закончила первой ученицей.

За два месяца до своей смерти отец рассказал мне о разговоре с младшим коллегой. Случился он во время его второй командировки в Женеву. С тех пор как я жила там с родителями и ходила в местную школу, прошло больше 10 лет. К тому времени я уже вышла замуж и жила в Нью-Йорке. Видимо, ребенок того коллеги ходил в ту же школу, где училась я. Вот он и спросил у отца, прожившего в Женеве не один год, слышал ли он о русской девочке, ходившей в коллеж Бюде много лет назад, о которой до сих пор вспоминают как об особенно одаренной ученице. И отец ответил: «Ко-

нечно. Это моя дочь».

Больше он ничего не сказал, да и я не задавала вопросов. Мы поняли друг друга без слов. Я счастлива, что подарила ему несколько мгновений отцовской гордости. И рада, что он мне об этом рассказал.

И в то же время как мне хотелось бы дать ему куда больше, чем обещания успеха. Только теперь, оглядываясь назад, понимаю глубину его отчаяния, когда я отказалась от возможности сделать карьеру. Человеком он был весьма жестким, но всегда позволял мне принимать самостоятельные решения и никогда не настаивал на своем. Он держал свое мнение при себе. Те, кто хотел узнать его, слушали. Мне тяжело думать о том, как жестоко я, должно быть, разочаровала его.

Довольно интересно, что в обеих моих школах произошли схожие случаи. Первый – после диктанта в 4-м классе русской школы. Четверть едва началась, как родителей вызвали в школу. Меня обвиняли в том, что я списала у соседки по парте, отличницы. Не знаю, что они сказали учителю, но мне они не сказали ни слова. Они всегда вели себя уверенно, но не высокомерно. И к этому инциденту они отнеслись как к недоразумению, чем это и было на самом деле. Я редко делала ошибки в словах, так что их реакция была вполне естественной. Тем не менее я благодарна и счастлива, что они встали на мою сторону. Я очень ценила доверие: это очень ценное чувство в принципе, а родительское – тем более. Мне не нужно было его завоевывать, оно было отправной точкой

наших отношений. Считалось, что я его достойна, и я старалась это доверие оправдывать.

На следующий день мне велели пересесть за парту к менее блестящему ученику. Несмотря на всю эту шумиху, вопрос о наказании не поднимался. Очередной диктант я снова написала без ошибок. Инцидент был исчерпан.

Первые несколько месяцев в швейцарской школе мне пришлось трудно – я плохо знала французский и не всегда понимала, что говорит учитель и что от нас требуется. На первой контрольной по математике преподаватель строго упрекнул меня, что я списываю у соседки. Как смогла, я постаралась объяснить ему, что подсматриваю только затем, чтобы понять, какое задание нам дали. По части списывания правила были весьма строгие. Уличенному тут же ставили «ноль». Ни жалобы, ни оправдания обычно не помогали. Преподаватель едва заметно помедлил и не стал забирать у меня листок, однако сомневаюсь, что он мне все же поверил, судя по тому, с каким выражением на следующем уроке он отдавал мне работу с оценкой. Не помню, какую оценку получила моя соседка и к тому времени новая подружка, но совершенно понятно было: я никак не могла у нее списать. Ошибок у меня не было.

В швейцарской школе наказывали и за то, что забыл учебник или специальную тетрадь для проверочных работ, а также любую необходимую для занятий мелочь. Каждые две недели мы получали оценки за «дисциплину», и за каждый

подобный проступок снималось полбалла. Такие проступки назывались oubli².

Каждая оценка ставилась в строгом соответствии с количеством набранных очков по шестибальной системе от нуля до шести баллов через каждые полбалла. Каждое задание, каждая проверочная работа приносили определенное количество очков. Выходило весьма объективно. Личность ученика и учителя практически не влияла на оценку. Кроме, разумеется, моего первого учителя математики. Пишу это – и из глубин памяти спустя сорок пять лет ко мне приходит его имя. Думаю, нет, я уверена, что помню его правильно. Спасибо, что поверили мне тогда, месье Шевалье!

Швейцарские дети, получив «ноль», особенно не огорчались – они относились к этому философски. Видимо, они с ранних лет приучены соблюдать четко прописанные правила, которые нельзя нарушать или оспаривать, и отвечать за свои ошибки сообразно возрасту и серьезности проступка.

Моя собственная единственная за всю историю моей учебы попытка списать закончилась полным провалом. Экзамен по бухгалтерскому учету считался одним из самых сложных в нашей специальности. Он и был таким, главным образом потому, что столько требовалось запомнить! И я решила написать свою первую шпаргалку. Не поленилась сделать это микроскопическим почерком на маленьких листках бумаги. После чего приколола их к подкладке юбки и отправилась на

² Здесь: забыто дома нечто необходимое для занятий.

экзамен. Войдя в аудиторию, я поняла, что потеряла их по пути. Но это не выбило меня из колеи. Я знала материал. Тем не менее я восприняла это как знак: шпаргалки – не мое. Наверное, можно было бы придумать более прозаическое объяснение или применить более разумный и простой способ: например, прикалывать листки к подкладке юбки уже в институте. Отчего-то эта мысль тогда не пришла мне в голову; оно и к лучшему. Шпаргалки я писала скорее для того, чтобы попробовать нечто новое. Главное в учебе для меня – во всем разобраться: я не могла противиться этому желанию. Мне требовалось знать. Трудности лишь делали учебу интереснее.

Самым постыдным случаем жульничества в учебе мне представляется тот, когда я вовсе не собиралась жульничать. Я сдавала экзамены на школьный аттестат. Шел экзамен по химии. Стоя у доски, я написала ответы на первые два вопроса. Третий казался мне таким простым, что я даже не стала писать ответ на доске. Внезапно моя учительница физики, член экзаменационной комиссии, встала, прошла мимо меня и сунула мне в карман клочок бумаги. Я не сразу поняла, что это было. Оказалось – ответ на третий вопрос. В жизни я не испытывала большего стыда. Я не знала, как на такое реагировать. Просто оставила бумажку в кармане. Физику я знала очень хорошо, любила ее сильнее и понимала куда лучше, чем химию, и учительница любила меня и думала, что я заслуживаю золотой медали вне зависимости от того, знаю я

ответ на этот вопрос по химии или нет. Она была одной из моих любимых учительниц. Но все равно я так и не смогла подойти к ней и объяснить, что знала ответ на тот вопрос и отличную оценку получила заслуженно.

Вечерами мне приходилось проходить материал куда более сложной программы русской школы. Родители помогали мне всякий раз, когда я в этом нуждалась или просила, но не указывали, что делать, не учили, как надо выполнять задания, и вообще следили за мной не слишком пристально. Меня, старшую, считали достаточно разумной, чтобы справиться самой, и это меня вполне устраивало. Я очень ценила эту свободу, всегда хотела работать в своем темпе и быть самой себе хозяйкой.

А еще мне требовалось дойти до всего самой. Любимое выражение моего отца: «Умный учится на чужих ошибках, а дурак на своих». Ему приходилось повторять это довольно часто, потому что я хотела лично все проверить и не верила никому на слово. Мудрость подхода моих родителей заключалась в том, что они не заставляли меня слушаться, а позволяли самой убедиться, что они чаще всего были правы.

Один случай особенно сильно врезался мне в память, так как он оказался весьма болезненным. Я училась кататься на лыжах. Проведя многие часы на склоне для начинающих, я чувствовала нетерпение и готовность двигаться дальше. Наконец в один прекрасный день я решила, что могу одолеть трассу посложнее. Я слишком увлеклась и переоценила

свои силы. Пришла на непростую «синюю» трассу. Лыжники съезжали по ней изящно и, казалось, совсем без усилий, и я решила, что и мне она дастся так же легко. К тому моменту, как я спустилась, костяшки пальцев у меня кровоточили (день выдался не холодным, и я неосторожно сняла перчатки), одна из лыж опередила меня на спуске, да и в целом красотой мое катание не отличалось. Думаю, этот спуск стал одним из самых серьезных уроков моей жизни.

Тем не менее родители всегда ждали от меня многого. Однажды, когда мне было уже далеко за 40, я пожаловалась отцу, что во время одной из поездок в Вашингтон у моей машины спустило колесо. Рассказала, как мне пришлось останавливаться в каком-то захолустье, как помогать мне ставить запаску пришлось полицейскому. В этот момент отец, до этого спокойно слушавший мои сетования, перебил меня и с огромным удивлением, граничащим с неодобрением, спросил: «Лена, почему ты до сих пор не умеешь менять колесо?» Отец очень хорошо водил машину – 65 лет за рулем. В последний раз он сел за руль за день до смерти, а умер он в 81 год. В один из моих последних визитов он спросил: «Тебе не страшно ездить в столицу одной?» И мне стало грустно. Раньше ему бы и в голову не пришло такое спросить. Я поняла, что он стареет.

Свои занятия я планировала сама. Составляла расписание на неделю, распределяя по дням материал, который следовало пройти. Самым злополучным предметом стала химия,

приписанная к воскресеньям. Не отставать по химии мне было особенно тяжело, ведь в эти дни мы ездили зимой в горы – кататься на лыжах или на коньках, а летом устраивали пикники, играли в карты, настольные игры или в петанк. А то и просто катались по городам и весям, а по вечерам на портативном магнитофоне Uher чередовались русские и французские песни, чтобы отец не уснул за рулем. Он сам делал записи с пластинок, купленных в Женеве или в Москве: то были времена катушечных магнитофонов, даже мини-кассет еще не изобрели.

Много раз, если мы слишком долго задерживались в каком-то месте, а до следующего пункта назначения оставалось километров двести, древние безмолвные Альпы и ночное усыпанное звездами небо над ними становились свидетелями необычного зрелища: машина бесшумно и легко скользит по безупречному швейцарскому шоссе, а из приоткрытого водительского окна громко разносятся русские военные или цыганские песни. Когда даже музыка не помогала, отец, чтобы не заснуть, декламировал стихи – главным образом своего любимого Константина Симонова. До сих пор помню многие из них. Особенно он любил вот это:

Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла.
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила, —

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.
В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведёт с собой,
Будут праведники нечаянно
Там подглядывать за тобой.

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведённых на шее рук.

Взял бы в рай с собой все опасности,
Чтоб вернее меня ждала,
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если б было мыслимо,
Я б на землю не отпустил,
Всё, что к нам на земле причислено,
В рай с собою бы захватил.

И за эти земные корысти,
Удивлённо меня кляня,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю толкнул меня.

Глава третья

Мы исколесили всю Швейцарию и объехали почти всю Европу на нашем верном «Опеле Рекорде» цвета «серебристый металлик»: отец за рулем, мама с верным мишленовским путеводителем в зеленой обложке и с картой в руках. Попасть из города в город казалось тогда таким простым делом, что когда я много лет спустя и уже с GPS-навигатором как-то раз больше 20 минут безуспешно пыталась выехать из Миланского аэропорта, я в который раз ловила себя на мысли: а как же раньше ездили, ориентируясь лишь по картам и дорожным указателям? Хотя и тогда случались курьезы. Например, в Генуе во время первой поездки в Италию.

Мы возвращались в Женеву из Пизы. Дорожные указатели гласили: «Genova» – так по-итальянски пишется название города Генуя. Отец, не владевший этим языком, решил, что там написано «Женева», и, счастливые и ничего не подозревающие, мы проехали не один километр, радуясь, что до дома ближе, чем нам казалось все это время. Когда мы поняли свою ошибку, то разумно решили изменить маршрут и посмотреть город, что стало одним из самых ярких воспоминаний поездки.

Было уже за полдень, когда мы добрались до Генуи и высадились на беломраморной набережной. Она была пустынной – неудивительно, стояла жара – и почти безмолвной. Един-

ственным звуком, перекрывавшим монотонный гул большого города у нас за спиной, был убаюкивающий плеск волн о камни. Однако от этого места веяло удивительной жизненной силой. Слепящие золотые лучи с силой врезались в манящую прохладой воду, точно юный весельчак-великан пытался поджечь море в нескончаемой схватке между молодостью и вечностью. Тогда я не поняла своих ощущений, но не забыла их. Я была счастлива, что живу.

Удивительно, как часто возвышенное переплетается в нашей жизни с обыденным. Спустя всего несколько месяцев мы обедали в одном из ресторанов Триеста. Официанты, доселе не слыхавшие русской речи, очень хотели узнать, откуда мы. То и дело на нас задерживался чей-нибудь любопытный взгляд. Отец предусмотрительно сказал, что удовлетворит их любопытство, когда мы закончим обед. В разгар «холодной войны» не все хорошо относились к гражданам СССР.

День стоял особенно жаркий, и мама хотела, чтобы я pokrыла голову, – весьма разумный совет. Проблема была в том, что она требовала надеть широкополую соломенную шляпу. В тот день на мне были шорты, и все мое существо восставало против такого сочетания. Надевать шляпу я отказалась. Неудивительно, что к полудню солнце совершенно вымотало меня: креманка казалась такой большой, а ложечка – такой крошечной! Мне хотелось поскорее отделаться от них. И я, отбросив ложку, сделала глоток прямо из креманки.

Родители застыли. Они были потрясены, что я на такое способна. В нашей семье всегда строго следили за поведением за столом вне зависимости от того, один ты ешь или в компании. До такой степени, что, посмотрев комедию «Свадебный переполох», я улыбнулась, поняв, кого мне напоминает героиня Дженнифер Лопес. Существовало негласное правило: наши манеры не должны были уступать королевским. В результате отец не сказал официантам, что мы из Советского Союза, а назвал какую-то другую страну Восточной Европы.

Кстати, о монарших особах. Во время одного из таких путешествий я увидела самого красивого молодого мужчину из всех, кого когда-либо встречала. Вероятно, окружавшая нас необыкновенная красота усилила впечатление, так что я помню случившееся до сих пор. Кто теперь знает. Мы осматривали один из стамбульских музеев, восхищаясь витринами с драгоценными камнями и украшениями. Я отошла от родных, наслаждаясь прохладой зала после палящего турецкого солнца. Подняв глаза, я увидела стройного молодого человека, медленно переходившего от одной витрины к другой. Почему-то обозначение «молодой человек» ему не особенно подходило. Я подумала, что вижу юного короля, – таким достоинством и величием отличалась его походка, так изящно он держался. Одет он был, как показалось мне, не искусственной, правда, в портновских изысках, в безупречный костюм. За ним шел человек, несший его пиджак, – или мне так показалось. Я не имела четкого представления об обя-

занностях слуг, к тому же юноша так прочно завладел моим вниманием, что я ни в чем не уверена. Кажется, это был один из редких тогда случаев моего обращения к Богу, но тогда я просила Его, чтобы молодой человек подошел ко мне. Он так и сделал и спросил, говорю ли я по-английски. Я бы никогда не употребила прилагательное «стремительный», чтобы описать отца, – к тому времени он начал полнеть, но он подскочил к юноше раньше, чем я успела открыть рот, и ответил: «Нет, она не говорит по-английски». Этим все и закончилось. Я запомнила изысканный профиль и краткое, но тем не менее сильное ощущение несомненной влюбленности и новое и очень сильное чувство: я впервые ощутила себя женщиной.

Впервые же молилась я тогда, когда мы все отправились на одну из знаменитейших гор Швейцарии – Юнгфрау. Провели чудесный день, бродя в ее окрестностях и любуясь пейзажем. Но чтобы приблизиться к вершине, требовалось сесть на поезд и, соответственно, заплатить. Не помню, что и сколько стоило в те времена, однако хорошо запомнила цену билета. Это случилось в 1970-м или 1971 году. Сорок франков. Сумма для нас немаленькая, и родители явно на такое не рассчитывали. До благословенной эпохи кредитных карт, когда можно потратить больше, чем взял с собой (не говоря уже о том, что больше, чем зарабатываешь), оставались долгие годы, так что родители принялись лихорадочно подсчитывать оставшиеся франки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.